

УДК 82-1:[1+7]

UDC 82-1:[1+7]

БУДДИЙСКОЕ ТОЛКОВАНИЕ ПОЭТИЧЕСКИХ МЕДИТАЦИЙ Ф. И. ТЮТЧЕВА И Э. Э. ДИКИНСОН

BUDDHIST INTERPRETATION OF POETIC MEDITATIONS OF F. TYUTCHEV AND E. E. DICKINSON

Ю. С. Пятчков,

магистр филологических наук, преподаватель
кафедры белорусской и зарубежной литературы
Белорусского государственного педагогического
университета имени Максима Танка

Y. Piatachkou,

Master of Philology, Teacher of the Department of
Belarusian and Foreign Literature of Belarusian State
Pedagogical University named
after Maxim Tank

Поступила на редакцию 16.10.19.

Received on 16.10.19.

Исследуется своеобразие реализации принципа тождества «Ты есть То» в поэтических медитациях исследуемых авторов – Ф. И. Тютчева и Э. Э. Дикинсон. Проведен их сопоставительный анализ с буддийскими открытиями, возможный на основании их близости, родства и интереса к решению проблем единства индивидуальной Души с Мировой Душой, Человека, Природы и Вселенной, пессимистического видения, отмечаемого в страданиях, варьируемых мотивов мимолетности, покрова, иллюзии, бессилия человека в постижении Природы, Мира, Души, Бога. В статье показан индивидуально-авторский взгляд Ф. И. Тютчева и Э. Э. Дикинсон на ориентальные принципы Единства, Гармонии, Созерцательности, Сосредоточения, проясняемые во взаимосвязи с проблемами Жизни, Смерти, Боли, Страдания и Любви.

Ключевые слова: буддийское толкование тайны, поэтические медитации, поэты-медитативисты, поэтико-медитативная концепция, нуминозное (священное) видение.

The originality of the realization of the principle of the identity “You are That” is studied in the poetic meditations of the authors studied – F. Tyutchev and E. E. Dickinson. Their comparative analysis with Buddhist discoveries is carried out, possible on the basis of their proximity, relationship and interest in solving the problems of the unity of the individual Soul with the World Soul, Man, Nature and the Universe, pessimistic vision noted in suffering, varied motives of fleetingness, cover, illusion, human impotence in comprehending Nature, Peace, Soul, God. The article shows the individual author's view of F. Tyutchev and E. E. Dickinson on the oriental principles of Unity, Harmony, Contemplation, Concentration, clarified in the relationship with of the problems of Life, Death, Pain, Suffering and Love.

Keywords. Buddhist interpretation of mystery, poetic meditations, poets-meditators, poetical-meditative concept, numinous (sacred) vision.

Ключ к любой гениальной личности всегда находится во времени, в котором она живет. Еще не признанная эпоха для такой личности, и энigmatической, и феноменальной, и чудодейственной, чаще всего тесна. Ей нужно во что бы то ни стало преодолеть ее, вырвавшись из ее «железных оков». И вот по-настоящему вырвавшимся из нее удается стать и потом уже быть «чар ночных свидетелем случайным» (по Ф. И. Тютчеву), со стороны созерцающим и открывающим ее настоящее лицо. Вот почему нельзя не согласиться с позицией русского литературного критика, В. Г. Белинского (1811–1848), в 1843 г. написавшего: «...Чтоб разгадать загадку мрачной поэзии такого необычайно колоссального поэта, как Байрон, должно сперва разгадать тайну эпохи, им выраженной, а для этого должно факелом философии осветить исторический лабиринт событий, по которому шло человечество к своему великому назначению...» [1]. Только немногим эта разгадка поддается. Эта тайна скрывается в искусстве поэтической медитации и в ее связи с восточными учениями. Еще по-тютчевски глубокий поэт, исследователь, переводчик, О. Э. Мандельштам (1891–1938), «тосковавший по мировой культуре», указал на то, что «девятнадцатый век был проводником буддийского влияния в европейской культуре (Выделено автором – Ю. П.)... Он был колыбелью Нирваны, не пропускавшей ни одного луча активного познания... Век не исповедовал буддизма, но носил его в себе как внутреннюю ночь, как слепоту крови, как тайный страх и головокружительную слабость...» [2, с. 241–242]. Приве-

денное суждение позволяет нам убедиться в его правомочности при исследовательски подробном толковании соответствующих буддийских влияний и у по-европейски философски образованного Ф. И. Тютчева, и у поэтически выросшей на европейских поэтах Э. Э. Дикинсон.

Проводимые нами соотношения, сопоставления и параллели с восточными философскими учениями представляются вполне уместными по причине ряда факторов. Небывалый интерес к Востоку как раз в XIX в. (ориентализм как своего рода модная движущая тенденция) и в этой связи ряд оригинальных открытий. Среди них компаративистские исследования Востока с Западом и Запада с Востоком, доказательство общей индоевропейской основы, живое использование ориентальных открытий и откровений в оригинальном творчестве, как собственно философами, учеными, так и поэтами. Причем не обязателен факт знакомства последних с самими священными текстами Востока. Интересно иное. При интуитивном постижении вечных проблем бытия Человека, Природы, Вселенной ими исследовано то, что называют священным или даже нуминозным видением.

Еще В. Я. Брюсов (1873–1924) увидел в русском поэте-медитативисте того, кто «предугадывал учение индийской философии», и буддиста с «широким пантеизмом», который объясняет «едва ли не вся его поэзия». И сделал закономерный вывод о том, что «Тютчев признавал истинное бытие лишь у Мировой Души и отрицал его у индивидуальных «я». Он верил, что бытие индивидуальное есть призрак, заблуждение, от которого освобождает смерть, воз-

вращая нас в великое все...» [3, с. 193–208]. А индийские исследователи М. Баде и Д. Рагхуванши трактуют Ф. И. Тютчева как «*поэта, разрывающего границы своего времени*» [4; 5]. Американская поэтесса Э. Э. Дикинсон, как известно, воспринявшая лучшие достижения трансцендентализма, находилась под действенным влиянием его основоположника, Р. У. Эмерсона, «конкордского пророка». То есть одного из тех многих, кто, наряду с *философом* Г. Д. Торо, *проповедником* Т. Паркером, *педагогом* А. Б. Олкоттом, серьезно стали исследовать Восток в зеркале его священных текстов: от Бхагавадгиты, Вед, Упанишад до персидско-таджикской поэзии. В нашу постмодернистскую, а также символистскую эпоху вполне возможно прочтение тютчевских и дикинсоновских поэтических медитаций¹ в свете буддийского мировидения.

Насыщенность мировосприятия Ф. И. Тютчева «параболическим богатством восточной фантазии» подтверждал еще А. Э. Полонский [6, с. 109]. И он пришел к весьма незамысловатым выводам, вполне предсказуемым, но весьма важным для нас: «...Его [Тютчева – Прим. авт.] вера в параллельное и взаимное проникновение природы и духа, в метафизическое значение творения привели бы нас к выводу о его философском *квиелизме*², если бы не мешал этому свет его изначальной индивидуальности, возникающий то тут, то там...» [6, с. 109–110]. Точное указание на правдивость сказанного, весьма загадочное, на первый взгляд, мы находим в самой философской по своей внутренней природе тютчевской медитации «Фонтан» (1836). Слиянность естественного, но столь «непостижимого» закона падения «пыли огнецветной» с «незримо-роковой дланью» позволяет нам проследить в данной медитации буддийский элемент. Человек такой же, все-таки в своей мысли все постичь, он все равно на это оказывается не способен: смертен не только он сам, но и его мысль («*смертной мысли водомёт*»): «...Но длань незримо роковая, / Твой луч упорный преломляя, / Свергает в брызгах с высоты» [7, с. 101]. Почему Ф. И. Тютчев столь метафизик в поэтическом изложении созвучных, как несложно проследить буддийских истин? Потому что он, одновременно разгадывая, тут же и загадывает. «Роковой» мотив неизбежности падения «*фонтана сияющего*» неизбежности конца, неизбежности уже данного начинает раскрываться в сопоставлении с тем, что своего, тютчевского, привнес поэт-медитативист в известное нам благодаря суждениям Будды об уме и мыслях. Напомним, что такое тютчевское видение совпадает не только с античным представлением о роке, но и с пессимистическим буддийским (буддха-дхармой). В сборнике стихотворных изречений Будды «Дхаммапада» («Путь Закона») читаем: «...Обуздание мысли, едва сдерживаемой, легковесной, спотыкающейся, где попало, –

благо. *Обузданная мысль приводит к счастью... Трепещущую, дрожащую мысль, легко уязвимую и с трудом сдерживаемую, мудрец направляет, как лучник стрелу...*» [8, с. 35–39]. И так, мысль необходимо обуздывать, а также неизбежно тяжело сдержаться от мыслей, направляемых на познание мира, по мнению Будды. Русский поэт говорит о чем-то близком, выражая это в том смысле, что, как бы мысль ни была озвучена, она все равно будет ложной. Потому о ней стоит молчать. Э. Э. Дикинсон окажется потрясающе созвучной Ф. И. Тютчеву, заявив: «*Под легким флером мысль ясней – / Видней ее вершины – / Так пена скажет: “Здесь прибой / Туман: “Здесь Аппенины”»* [9] и «*Слово мертво, / Когда сказано, / Некоторые говорят. / Я говорю его просто. / Начинает жить / Этот день –*» [10]. А вместе они, таким образом, поставят перед нами проблему о пустоте Я, словно вне мыслей, которому необходимо пробудиться ото сна. Поэтому мы предлагаем сопоставление исследуемого нами у поэтов с буддийской концепцией *бодхи* как необходимости пробуждения от иллюзий и завес ума. У Ф. И. Тютчева: «...Час тоски невыразимой!.. / *Всё во мне, и я во всём!* / Сумрак тихий, сумрак сонный, / Лейся в глубь моей души... / *Дай вкусить уничтоженья, / С миром дремлющим смешай!*» [7, с. 98]. А у Э. Э. Дикинсон: «...*Всем верховодит тоска – / И многие – в тисках – / Но что из того? / Допустим – каждый умрет – / Крепок жизни заряд – / Еще сильнее – Распад – / Но что из того?..*» [10] или «*После сильной боли ты словно в гостях... / Ноги механически бродят – без роздыху – / По Земле – по Воздуху – / В Пустоте? – Одеревенели – не разобраться – / Отгороженность камня – довольство кварца...*» [10]. Поистине буддийский пантеизм в его единстве с проблемами Духа, Природы, Человека, выраженный поэтами-медитативистами. Само внутреннее мировосприятие истинно тютчевского и дикинсоновского парадоксально соединяется с пессимистическим видением о пустоте (*шуньяте*) во множестве элементов бытия (*дхарм*), о мгновенности Бытия (*кшаникаваде*). В том числе о мыслях (у Будды – «*правильные*» мысли), управляемых иллюзией (*майей*), и необходимости их отсутствия (тютчевская истина «*мысль изреченная есть ложь*» и дикинсоновская «*Мысли Мель*» («*Мелководье Мысли*»⁴)). В дословном переводе читаем в дикинсоновской медитации: «*Если разбился на Мелководье Мысли, / Как там Море? / Единственное судно, которого избегают, / Безопасно – Простота –*» [10]. Тютчевский призыв уметь «*жить в себе самом*» и держать в тайне свои мысли, словно нарочито подробно развивается американской поэтессой в идею «безопасной Простоты», необходимой в случае крушения о «*Мелководье Мысли*». Несложно отметить, тютчевскую углубленность в себя, когда у Э. Э. Дикинсон, наоборот, от себя, в мир. Так, поэты-медитативисты пробуют гармонизировать внутреннее внешним, а то и внешнее внутренним, развивая и уточняя ориентальную идею тождества Микрокосмоса Макрокосмо-

¹ Под медитацией понимаем особый лирико-философский жанр, предполагающий *внутреннее созерцание*, соединение энергий человека, природы, мира и сосредоточение на душе под воздействием внешнего.

² Квиеизм (в пер. с лат. – покой) – мистико-аскетическое движение в католицизме, проповедующее неактивное состояние души в вопросе мистического единения с Богом.

³ «A word is dead / When it is said, / Some say. / I say it just / Begins to live / That day –» [Пер. автора].

⁴ “If wrecked upon the Shoal of Thought / How is it with the Sea? / The only Vessel that is shunned / Is safe – *Simplicity* –”.

су, ирреального и реального, тождества противоположностей. И такое настроение куда более точно изображает не столько то, что описывается в тексте, сколько то, на что намекает его автор. Вот, русским поэтом записано на рукописи стихотворений его светской знакомой Е. К. Зыбиной: «Тут целый мир, живой, разнообразный, / Волшебных звуков и волшебных снов, – / О, этот мир, так молодо-прекрасный, – / Он стоит тысячи миров» [7, с. 362]. Но в отрыве от этого исторического контекста данное четверостишие интересно именно самой тютчевской мыслью о «тысяче мирах», о «волшебных звуках» и о «волшебных снах». В этой связи даже поэтико-медитативная максима Ф. И. Тютчева: «Душа моя – Элизиум теней...» играет ориентальными мотивами в контексте знаменитого: «...Лишь жить в себе самом уметь – / Есть целый мир в душе твоей / Таинственно-волшебных дум...» [7, с. 71]. Мы уже знаем о признаваемом поэтом единстве индивидуальной души человека с Мировой Душой (*Animus Mundis*), а природы и человека со Вселенной. Отсюда мы понимаем корни тютчевской философии жизни, философии природы и философии человека, которые прямо соотносятся с буддийской концепцией. У Э. Э. Дикинсон, напротив, Элизиум (*Царство Блаженных*) – во вне, но никак не в душе, с Богом и только у Него: «*Elysium is far as to / The very nearest room, / If in that room a friend await, / Felicity or doom. / What fortitude the soul contains, / That it can so endure / The accent of a coming foot, / The opening of a door!*» – «Элизиум – он близко, / в гостиной, в двух шагах, / где ждет тебя любимый, / блаженство или крах. / Остаться твердой – подвиг, / когда уловит слух / шагов знакомых поступь / и легкий двери стук!» [10].

К непосредственно индийской теме Ф. И. Тютчев обратился лишь тогда, когда восхищенный пьесой «Сакунтала»¹ «индийского Гомера» Калидасы (приблизительно IV–V вв. н. э.) взялся за перевод из нее в интерпретации И. В. фон Гете: «Что юный год дает цветам – / Их девственный румянец; / Что зрелый год дает плодам – / Их царственный багрянец; / Что нежит взор и веселит / Так перл, в морях цветущий; / Что греет душу и живит, / Как лектар всемогущий: / Весь цвет сокровищниц, ме ты, / Весь полный цвет творенья, / И словом, небо красоты / В лучах воображенья – / Все, все Поэзия слила / В тебе одной – Сакунтала» [7, с. 431]. Как мы видим, небольшой переводной отрывок посвящен небесной, необыкновенной красоте героини, которая пленяет одними только поэтическими выражениями. С одной стороны, это не более чем восторженное описание невероятной красоты девушки; с другой – этот поэтический отрывок, безусловно, о силе поэтического воображения и даже самой Поэзии, что неотделимо друг от друга. Э. Э. Дикинсон также обращалась к теме Индии. В зеркале индийской образности читаем у нее следующее: «...And I esteemed All Poverty / For Life's Estate with you – / Of Mines, I little know – myself – / But just the names, of Gems – / The Colors of the Commonest – / And scarce of Diadems – / So much, that did I meet the Queen – / Her Glory I should know – / But this, must be a different Wealth – / To miss it – beggars so – / I'm sure 'tis India – all Day – / To those who look on

You – / Without a stint – without a blame, / Might I – but be the Jew – / I'm sure it is Golconda – / Beyond my power to deem – / To have a smile for Mine – each Day...» – «...И я почитал всю бедность / За жизнь с тобой – / Из шахт, я мало знаю – я – / Но только имена драгоценных камней – / Цвета странного – / И немного диадем – / Столько всего, что я встретил Королеву – / Ее славу я должен знать – / Но это, должно быть, другое Богатство – / Пропустить это – так не просят – / Я уверен – это Индия – весь день – Для тех, кто смотрит на Тебя – / Без ограничения – без вины, / Могу ли я – но будь евреем – / Я уверен, что это Голконда² – / Не в моей власти считать – / Улыбаться в Моей – каждый день, / Как лучше чем Драгоценный камень!..» [Пер. автора]. Дикинсоновское видение тоже о красоте, но не только в эстетическом, а также в социальном, географическом и символическом ракурсах. И при этом автор развивает мысль о душевном спокойствии и даме Улыбаться, даже в бедности. Индия поэтессой используется как говорящий образ-символ, свидетельствующий о богатстве, роскоши, потрясающих сокровищах. Необходимость же в антиномическом свете изобразить буддийское представление об «особой Улыбке» и «иных радостях», данных убогому и бедному, поэтико-медитативно отсылает нас к суждениям просветленного царевича о душевной щедрости. Будда подчеркивал: «...Своим лицом ты можешь дарить улыбки другим. Но ты этого не делаешь. Своими глазами ты можешь смотреть на других взглядом любви и заботы. Но ты этого не делаешь. Своим ртом ты можешь произносить что-то хорошее для других. Но ты этого не делаешь. Своим сердцем ты можешь желать счастья другим. Но ты этого не делаешь. Своим телом ты можешь делать что-то хорошее для других. Но ты этого не делаешь. И это есть твоя щедрость и практика даяния...» [8]. Что же, согласно Э. Э. Дикинсон, когда ты ближе к Богу, то начинаешь понимать Его игривый замысел (у буддистов – *бхакти*). Это ею самой выражается так, что от медитации к медитации – также полушутя, полусерьезно, иронично – она с Богом наравне решает нешуточные шарады. Потому что каждодневное творчество с Ним становится актом сотворчества, позволяющим разгадать Его таинственный замысел: «Не может Бог свои дела / Пускать на самотек...» [10] и «...Но Всемогущий прав – / Там – / Звездочку добавив – / Тут – Девушку убрав» [10]. Христианское мировидение у обоих поэтов-медитативистов, как несложно заключить, выходит за пределы представления о Боге, что и дает нам возможность аналитического сопоставления с буддийской концепцией. Вышеприведенная мысль в интересующих нас учениях так или иначе касается трансцендентального субъекта, некоего Абсолюта, который неслучайно сотворил мир трехчастным: Небо – Воздух (Эфир) – Землю. Постигнуть Его причуды – значит понимать причудливость этого сущего, принимая их, как они есть, разбираясь в их закономерностях и видя далее, наперед (в «Прозрачной Океана глади», когда «Недвижен лик Небес»). При этом ведь все земное до конца не подвластно

¹ Высшая драма на санскрите «Шакунтала», или «Узнанная по кольцу Шакунтала».

² Голконда – древнеиндийская крепость, расположенная в 11 км западнее центра г. Хайдерабад в штате Телангана. Была столицей одноименного султаната. Славится своими алмазами и богатыми копиями.

вечности: ее стоит заслужить. А время же слишком мгновенно, что, бывает, осознать до конца так и не случается. Уже, будучи Буддой, он подчеркнет: «... Все есть Страдание (Дуккха). Рождение – страдание, болезнь – страдание, смерть – страдание. Соединение с неприятным – страдание, разлучение приятным – страдание. Поистине все пять групп привязанности суть страдание...» [8, с. 57]. Основа буддийского учения – пессимистическая, в путях освобождения от страданий, и поэты тянутся именно к его пониманию. Читаем у Э. Э. Дикинсон: «The Heart asks Pleasure – first – / And then – Excuse from Pain – / And then – those little Anodynes / That deaden suffering – / And then – to go to sleep – / And then – if it should be / The will of its Inquisitor / The privilege to die –» – «Сперва мы просим радости, / Потом – покой лишь дать, / А позже – облегчения, / Чтоб только не страдать. / А после – **только бы уснуть**, / Когда поймем, что врач / Уже не в силах нам помочь, / А волен лишь палач –» [10]. У Ф. И. Тютчева читаем: «...и на всем / Та кроткая улыбка увяданья, / Что в существе разумном мы зовем / Божественной стыдливостью страданья» [7, с. 66]. Почему у Ф. И. Тютчева природа с «улыбкою двусмысленной и тайной»? Через нее у поэта улыбается Бог, оживотворяющий «части земные», разрушение каких грозит ей «последним часом природы». Отчего же «двусмысленная» улыбка? Потому что хранит тайну «таинственной прелести», одновременно зная, отчего страдает «существо разумное», «пыль ничтожная», «злак земной», «мыслящий тростник» – Человек. Так, «легкой тканью» прикрывая свой образ, она таит в себе и тайну «прихода ужасного». Буддийский мотив «ткани легкой», покровов (завесы, покрывала), часто варьируемый и дополняемый поэтом, говорит о его приверженности идее мира как иллюзии (понимаемой и как обман, и как заблуждение, и как несбыточная мечта, и как туман), и как сна («пророчески-неясного, / Как откровение духов»), от которого стоит пробудиться. Это и звезд-

ды, днем сокрытые за дымом палящих солнечных лучей, и покровы ночи, и природа, тканью легкой свой образ прикрывающая, и «златотканый покров», и «благодатная ткань покровов», и покров над бездной, и покров Судьбы. Этот мотив покровов подразумевает мотив круга, колеса, круговорота, перерождения в природе, в мироздании, в бытии. В самой известной из Сутр, в «Алмазной Сутре» («Ваджрачхедика Праджняпарамита Сутра»¹), образно-символически сказано об этом так: «...Как звезды, обман зрения, как лампу, / Фальшивое предствление капли росы или пузырь, / Сон, вспышку молнии или облако, – / Так должно видеть обусловленное...» [11]. Религиозное мышление символично и не менее поэтично, медитативно, поэтому у рассматриваемых нами в его контексте поэтов интересно проследить, как разрабатываемые ими образы, мотивы, символы почти точно совпадают с символикой буддийской философии.

Итак, известный из индийских Упанишад принцип тождества «Ты есть То» получает свое воплощение и развитие в поэтических медитациях Ф. И. Тютчева и Э. Э. Дикинсон. К тому же их глубокий сопоставительный анализ с буддийскими открытиями о *шуньяте* во множестве элементов бытия (*дхарм*), *бхакти* и *кшаникакава*е возможен на основании их близости, родства и интереса к решению проблем единства индивидуальной Души с Мировой Душой, Человека, Природы и Вселенной, пессимистического видения, отмечаемого в страданиях, варьируемых мотивов покровов, иллюзии, бессилия человека в постижении Природы, Мира, Души, Бога. Следовательно, поэтами предлагается индивидуально-авторский взгляд на ориентальные принципы Единства, Гармонии, Созерцательности, Сосредоточения. Философские влияния, на наш взгляд, значительно проясняются, становясь прозрачнее для понимания тютчевских и дикинсоновских поэтических медитаций, ведь ими связываются воедино проблемные циклы вопросов Жизни, Смерти, Боли, Страдания и Любви.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белинский, В. Г. Сочинения Державина. Статья первая. Полное собрание сочинений 1842–1843. [Электронный ресурс] / В. Г. Белинский. – Режим доступа: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1120.shtml. Дата доступа: 01.03.2016.
2. Мандельштам, О. Э. Девятнадцатый век / О. Э. Мандельштам // Шум времени. – СПб. : Издательский Дом «Азбука-классика», 2007. – С. 241–242.
3. Брюсов, В. Я. Ф. И. Тютчев. Смысл его творчества / В. Я. Брюсов. Собрание сочинений. В 7 т. – М. : Худож. лит., 1975. – Т. 6. – С. 193–208.
4. Баде, М. Философские традиции в лирике Ф. И. Тютчева и поэзия маратхи / М. Баде. – Нью-Дели : Центр Русских Исследований, Ун-т им. Джавахарлала Неру, 2005.
5. Рагхуванши, Д. Взаимодействие русской поэзии с художественным творением Индии / Д. Рагхуванши. – Нью-Дели : Центр Русских Исследований, Ун-т им. Джавахарлала Неру, 2005.
6. Полонский, А. Э. Федор Тютчев. Книга бытия / А. Э. Полонский. – СПб. : Алетейя, 2011. – 416 с.
7. Тютчев, Ф. И. Лирика / Ф. И. Тютчев. – М. : Эксмо, 2009. – 384 с.
8. Дхаммапада / пер. с пали, введ. и комм. В. Н. Топорова. – М. : ООО «Изд. дом «София», 2005. – 160 с.
9. Дикинсон, Э. Э. Стихи из комода / Э. Э. Дикинсон; пер. с англ. Г. М. Кружкова. – СПб. : Издательская Группа «Азбука-классика», 2010. – 256 с.
10. Дикинсон, Э. Э. Стихотворения. [Электронный ресурс] / Э. Э. Дикинсон; пер. А. Гаврилов, Я. Бергер, Л. Ситник. – Режим доступа: <http://lib.ru/POEZIQ/DIKINSON/stihi.txt>. Дата доступа: 24.02.2016.
11. Алмазная Сутра [Электронный ресурс]. – Режим доступа: buddhaya.ru. – Дата доступа: 26.09.2019.

REFERENCES

1. Belinskij, V. G. Sochineniya Derzhavina. Stat'ya pervaya. Polnoe sobranie sochinenij 1842–1843. [Elektronnyj resurs] / V. G. Belinskij. – Rezhim dostupa: http://az.lib.ru/b/belinskij_w_g/text_1120.shtml. Data dostupa: 01.03.2016.
2. Mandel'shtam, O. E. Devyatnadcatyj vek / O. E. Mandel'shtam // Shum vremeni. – SPb. : izdatel'skij Dom «Azbukaklassika», 2007. – S. 241–242.
3. Bryusov, V. Ya. F. I. Tyutchev. Smysl ego tvorchestva / V. Ya. Bryusov. Sbranie sochinenij: V 7 t. – M. : Hudozh. lit., 1975. – T. 6. – S. 193–208.
4. Bade, M. Filosofskie tradicii v lirike F. I. Tyutcheva i poeziya marathi / M. Bade. – N'yuu-Deli: Centr Russkikh Issledovanij, Un-t im. Dzhavaharlala Neru, 2005.
5. Raghuvanshi, D. Vzaimodejstvie russkoj poezii s hudozhestvennym naslediem Indii / D. Raghuvanshi. – N'yuu-Deli : Centr Russkikh Issledovanij, Un-t im. Dzhavaharlala Neru, 2005.
6. Polonskij, A. E. Fedor Tyutchev. Kniga bytiya / A. E. Polonskij. – SPb. : Aletejya, 2011. – 416 s.
7. Tyutchev, F. I. Lirika / F. I. Tyutchev. – M. : Eksmo, 2009. – 384 s.
8. Dhammapada / per. s pali, vved. i komm. V. N. Toporova. – M. : 000 «Izd. dom «Sofiya», 2005. – 160 s.
9. Dickinson, E. E. Stihy iz komoda / E. E. Dickinson. Per. s angl. G. M. Kruzhkova. – SPb. : Izdatel'skaya Gruppy «Azbukaklassika», 2010. – 256 s.
10. Dickinson, E. E. Stihotvoreniya. [Elektronnyj resurs] / E. E. Dickinson; per. A. Gavrilov, Ya. Berger, L. Sitnik. – Rezhim dostupa: <http://lib.ru/POEZIQ/DIKINSON/stihi.txt>. Data dostupa: 24.02.2016.
11. Almaznaya Sutra [Elektronnyj resurs]. – Rezhim dostupa: buddhaya.ru. Data dostupa: 26.09.2019.

¹ «Сутра о Совершенной Мудрости, рассекающей тьму невежества, как удар молнии».